

Тот мужчина, у которого и без того было не самое приветливое лицо, стал выглядеть еще хуже. Окружающие в радиусе пяти метров поспешно отступили — от него исходила настолько подавляющая и пугающая аура, что подходить было опасно. Однако нашелся один человек, который без тени страха шагнул к нему.

— Позволь спросить, что ты собираешься сделать с моим мужчиной? — Сюй Лэ одной рукой прикрыл Ли Цяньфэна, а сам, глядя на мужчину снизу вверх, ничуть не дрогнул.

Хотя сердце сжималось от боли при виде того, как Ли Цяньфэн был близок с этим человеком, он понимал: кто бы перед ним ни был, он не позволит причинить Ли Цяньфэну вред.

— Твоим мужчиной?! — Мужчина потянулся было, чтобы схватить Ли Цяньфэна, но Сюй Лэ отбил его руку и, прикрывая Ли Цяньфэна, отступил на несколько шагов назад.

Мужчина не разозлился, а лишь рассмеялся. Взглянув на свою покрасневшую от удара руку, он расплылся в ослепительной улыбке, и его чарующее лицо в одно мгновение пленило всех вокруг.

Ли Цяньфэн быстро переместился к мужчине и заговорил ласковым, умоляющим тоном:

— Давай обсудим это дома, хорошо? Пожалуйста?

Сюй Лэ в недоумении смотрел на Ли Цяньфэна и незнакомца. Насколько он помнил, Ли Цяньфэн почти никогда не обращался так с ним самим. Неужели это означает, что его снова бросили?

Он пошатнулся и отступил на несколько шагов, отказываясь верить... Неужели...

Прости, Цяньфэн, я не смогу улыбнуться, провожая тебя... Прости, я не сдержу своего обещания. Я правда не могу смотреть тебе в спину, когда ты уходишь...

Развернувшись, он помчался прочь так быстро, как только мог.

— Нет!

Ли Цяньфэн, надувшись, сидел на диване, пребывая в ярости. Он был вне себя от злости — то ли на кого-то, то ли на ситуацию в целом — и его лицо, которое и так не отличалось белизной, стало еще мрачнее.

— Малыш, не сердись. Папа же не нарочно. Кто знал, что все так обернется? Папа не ты, как он мог предугадать? Да и ты сам не подсказал.

— То есть ты хочешь сказать, что это моя вина? А?!

— Нет-нет, что ты, во всем виноват папа. Папа виноват, он совершил ошибку...

В два часа ночи слышались чьи-то шаги у двери. Дверь открылась и закрылась, вошедший с щелчком включил свет. Четверо людей в оцепенении уставились друг на друга.

— Кто он такой? — Ли Цяньфэн, глядя на незнакомца у порога, протер свои покрасневшие и припухшие глаза.

— А вы кто такие?! — перебил его Ху Кай, заняв позицию хозяина дома.

Сюй Лэ, который уже собирался ответить, запнулся, увидев покрасневшие глаза Ли Цяньфэна. Он не знал, как с этим справиться и что вообще собирается делать Ли Цяньфэн.

— Ты чего творишь? Как только первая любовь вернулась, решил бросить моего драгоценного сына?! А?!

Сына?!

Услышав это ключевое слово, Сюй Лэ словно получил удар по голове. Он никогда не рассматривал такой вариант. В его голове проносились тысячи догадок, но только не эта.

— ...Лэ, ты больше не хочешь быть со мной?

— Нет! — Сюй Лэ оттолкнул поддерживавшего его Ху Кая и, не обращая внимания на левую ногу, которую случайно повредил, бросился вперед.

Такая трогательная картина — кто посмеет ее разрушить? Винить стоит только себя: в свое время он ушел от такого нежного и заботливого возлюбленного ради чужих денег. Если бы можно было повернуть время вспять, он ни за что не стал бы таким дураком. Жаль только, что прошлого не вернуть.

Ху Кай, взглянув еще раз на происходящее, благоразумно удалился.

— Все не так, Цяньфэн, ты все неверно понял. Как я могу не хотеть быть с тобой? Пока ты сам меня не прогонишь, я ни за что не уйду. Тогда я просто... — Сюй Лэ рассказал ему все от начала до конца.

Выслушав Сюй Лэ, Ли Цяньфэн понял, что тоже был неправ. Он ведь чувствовал перемены в поведении Сюй Лэ, но не попытался разобраться во всем сразу. Так что главная причина была

в нем самом. Но раз все выяснилось — значит, все хорошо. Жаль только, что они оба забыли о третьем человеке, который все это время слушал их разговор.

Мужчина схватил Ли Цяньфэна за правую руку, немного подержал, затем перешел к левой. Улыбка постепенно озарила его красивое лицо — на этот раз радость шла от самого сердца, это была совсем не та улыбка, что раньше.

— Отлично, парень, я тебя одобряю. Хи-хи, но право дать имя моему первому внуку ты целиком отдашь мне. — Кто знает, будет ли его первый внук похож на его возлюбленного.

Внуку?! Сюй Лэ и Ли Цяньфэн были в шоке.

— Я никогда не предам Цяньфэна!

— Я что, беременный?! — Ли Цяньфэн был еще больше озадачен, чем Сюй Лэ. Он положил руки на свой плоский живот, и в его глазах блеснул материнский свет.

Сюй Лэ в изумлении уставился на Ли Цяньфэна, заглушив все его попытки протестовать.

— Разве ты не слышал от Цяньфэна, что он рожден моим возлюбленным?

Сюй Лэ вовсе не хотел презирать отца Ли Цяньфэна, но, хотя тот выглядел очень утонченно, он все же был мужчиной, и было ясно, что родить ребенка сам он не мог. Но разве это имело значение?

Вдруг зазвонил дверной звонок. Отец Сюй Лэ встал и пошел открывать, ведя себя как хозяин дома. Не успел он никого увидеть, как послышался его кокетливый голос:

— Дорогой, я тебе говорил, малыш беременный! Надеюсь, ребенок будет похож на тебя.

— М-м, я знаю. Идем домой. — Из-за двери послышался хриплый, низкий голос. Этот голос, присущий только мужчине, в сочетании с предыдущим разговором, ударил Сюй Лэ словно метеорит в спутник, лишив его всякой ориентации.

Разве в этом мире есть что-то невозможное? Держа на руках своего месячного сына, Сюй Лэ понял: если что-то и невозможно, так это заставить его оставить Ли Цяньфэна.

008 Падение кометы, любимый человек

Он уже не помнил, когда они встретились впервые. В памяти осталось лишь смутное знание, что есть такой человек. Средняя школа, старшая — шесть лет в одной школе, но они лишь проходили мимо друг друга. Лишь в день поступления в университет они по-настоящему

представились.

— Привет, меня зовут Хуэй Син. Будем знакомы, — с чемоданом в руке и походным рюкзаком за спиной, Хуэй Син в очках в золотой оправе выглядел как примерный студент, но исходящая от него аура враждебности портила эту картину. Это было первое впечатление Чжао Биня о нем.

Университет А, не зря входящий в десятку лучших в стране, мог похвастаться условиями в общежитии, которым завидовали студенты других вузов. В четырехместных комнатах были только верхние полки, и кровать Хуэй Сина находилась как раз рядом с кроватью Чжао Биня — они могли видеть друг друга, даже не поднимая головы.

Хуэй Син говорил мало, но каждое его слово попадало точно в цель. Соседи в шутку называли его папаша Син, и никто не ожидал, что он действительно будет откликаться на это прозвище. Но Чжао Бинь никогда его так не называл — он предпочитал называть его по имени, не желая использовать столь вульгарное обращение.

Шло время, и та враждебность постепенно стерлась. Оказалось, что с Хуэй Сином очень легко ладить: если что-то не противоречило его принципам, он был готов помочь. Не только однокурсницы, но и девушки из других факультетов были к нему равнодушны, но, к счастью, никто так и не решился признаться ему в любви.

Чжао Бинь не мог описать свои чувства, но его вполне устраивала текущая ситуация. Он не любил, когда Хуэй Син был слишком близок с девушками, да и с парнями тоже не любил.

Дни пролетали незаметно, и вот уже второй курс. В отличие от Хуэй Сина, Чжао Бинь был очень общительным. Благодаря своему красноречию и внешности он быстро завоевал поддержку большинства и занял место председателя студсовета. Казалось бы, такая должность требует много времени, но Чжао Бинь ничуть не был занят — он проводил все время рядом с Хуэй Сином, и даже просто сидеть в тишине рядом с ним было для него счастьем.

Поначалу Хуэй Син чувствовал себя неловко, но постепенно привык. В конце концов, оба мужчины, что тут такого?

— Хуэй Син, у меня сегодня после обеда баскетбольный матч, приди поболей за меня! — крикнул Чжао Бинь, стоя в туалете.

Хуэй Син, обернувшись, поморщился, явно недовольный тем, что такие разговоры ведутся в столь неподходящем месте.

За год совместной жизни Чжэн Лун и Чжу Цинчэн уже знали о чистоплотности Хуэй Сина. Увидев его гримасу, они переглянулись и рассмеялись:

— Мочишь, так мочи, чего орать-то? Смотри, не намочи штаны, а то папаша Син тебя

вышвырнет, ха-ха...

— Да как я могу... Черт, не к ночи помянуто! Вы, двое проклятых воронов! — Чжао Бинь, не уследив, совершил глупость, позабавив всех, но только сильнее нахмутив Хуэй Сина.

— Ха-ха... так тебе и надо! О, Чжао Бинь, тебе конец, папаша Син злится! — На самом деле Хуэй Син не злился, ему просто казалось это негигиеничным и противным: сколько лет парню, а все штаны мочит.

Из туалета слышался шум воды — было ясно, что кто-то стирает штаны. Слышно было, как он яростно трет ткань, а потом сушит ее феном.

— Хуэй Син, ты ведь придешь на матч? — Чжао Бинь смотрел на него с таким умоляющим видом, что Чжэн Лун и Чжу Цинчэн не могли удержаться от смеха.

— Чжао Бинь, ты с таким лицом, как у обиженной жены, выглядишь просто очаровательно, — загремел Чжу Цинчэн своим гулким голосом так, что было слышно даже этажом ниже.

— Брось, старина Чжу, это же типичный подкаблучник. Тебе не кажется, что папаша Син в этих отношениях снизу? — Чжэн Лун, перечитавший любовных романов, сыпал терминами, ничуть не смущаясь. Чжу Цинчэн, как его лучший друг, тоже нахватался этого.

— Ага, нежная «снизу»! И преданный пес «сверху»!

Подушка, прилетевшая им в лица, заставила обоих замолчать. Никто и подумать не мог, что эта шутка предопределил их запутанные отношения.

Чжао Бинь принял шутки соседей близко к сердцу, как и Хуэй Син. С тех пор Чжао Бинь старался во всем искать повода обратиться за помощью к Хуэй Сину, а тот, в свою очередь, всегда искал предлоги, чтобы избежать встреч наедине.

Лежа на кровати, Чжао Бинь накрылся одеялом с головой — он не хотел, чтобы кто-то видел его слезы. Он забыл, когда плакал в последний раз, но сейчас он плакал по-настоящему. И правда, запретная любовь не находит принятия. Почему же любить человека так больно?

Слезы тихо текли, обжигая кожу, но не согревая ее. Сердце разбито, какой теперь смысл оставаться здесь?

Всего два часа назад он купил книгу, которую так любил Хуэй Син, и хотел порадовать его, но вместо этого увидел, как Хуэй Син целуется с девушкой. Он знал ее — красавица с соседнего факультета, которая долго добивалась Хуэй Сина. Она была красива и мила, в отличие от него самого, жесткого и грубого.

Хуэй Син был таким прекрасным человеком, если уж он решался на что-то, то это было навсегда. Раз он ответил на ее поцелуй, значит, у него больше нет шансов? Да, именно так...

Если по-настоящему любишь, то что это: удерживать или отпустить? ...Лишь бы он был счастлив, остальное неважно. Не желая разрушать счастье Хуэй Сина и смотреть на его улыбку, Чжао Бинь, ничего не сказав соседям, подал заявление на проживание вне общежития. Будучи главой студсовета, он легко получил разрешение.

Это была дождливая ночь. Капли танцевали в воздухе. Поскольку это был канун Рождества, все разъехались, и в общежитии он остался один. С горькой улыбкой упаковав вещи, он сел на кровать Хуэй Сина и коснулся всего, что принадлежало ему.

Только в этот миг все то прекрасное, что было под кончиками его пальцев, принадлежало ему.

Слезы, катившиеся по щекам, делали его таким уязвимым. Вдруг он вспомнил кое о чем, слез с кровати и вытянул из книжного шкафа Хуэй Сина фотоальбом. Там было полно фотографий, которые студенты тайком делали и дарили Хуэй Сину на день рождения. Если он возьмет пару штук, никто не заметит, правда?

Заперев дверь, он осторожно достал фотографию и прижал ее к сердцу, как самое ценное сокровище.

Ночь в коридоре была пугающе тихой, словно в фильме ужасов про зомби.

Хуэй Син, проводив девушку до общежития, по пути встретил Чжэн Луна, который напился от несчастной любви, и Чжу Цинчэна, который его поддерживал. Глядя на них, Хуэй Син вспомнил себя и Чжао Биня. Но время стерло все, дружба давно угасла из-за его холодности.

— Что за создание женщина! Хуже тряпки, ни капли веры! Изменила мне! Лучше я стану геем, чем снова свяжусь с бабой! — Чжу Цинчэн едва волочил ноги, поддерживая друга, и не знал, что делать.

— Все-таки братаны надежнее! Старина Чжу, а может, ты будешь моим? — Чжэн Лун надул губы и поцеловал друга в щеку.

Чжу Цинчэн ударил его по затылку и взревел:

— Ты мужик или кто? Бросила баба, и что теперь? Неужели ты ее так сильно любил?

— ...Кто сказал, что это меня бросили? Это я ее бросил, понял?! Уясни это раз и навсегда!

— С тобой все в порядке? — Хуэй Син хотел помочь, но Чжэн Лун оттолкнул его руку.

— Все нормально, не обращай внимания. Он просто сейчас всех ненавидит. Скоро Чжао Бинь поможет нам с ним разобраться.

Но никто из них не предполагал, что по возвращении в общежитие их ждет не только темнота, но и пустая кровать...

Это событие стало спусковым крючком, раздувшим недовольство Хуэй Сина. Дружба, которая и так трещала по швам, окончательно рухнула, оставив Чжэн Луна и Чжу Цинчэна в полном недоумении.

Близился конец четвертого курса. Каждый был занят поиском работы, беззаботная студенческая жизнь осталась позади, навстречу шла жестокая реальность.

Чжао Бинь пытался заглушить боль работой. С тех пор как он съехал, даже при встрече Хуэй Син мог спокойно проигнорировать его, как и в те шесть лет, когда они просто проходили мимо. Но это же было именно то, чего он хотел — так почему же так больно?

Чжэн Лун говорил, что женщины меняются, стоит кому-то начать за ними ухаживать. Если это внимание становится слаще, чем то, что дает текущий возлюбленный, они летят вперед, как мотыльки на огонь. Видя, как его девушка не раз прощается поцелуями с другими мужчинами, Хуэй Син понял, что с этим покончено. Но нельзя же позволить девушке нести на себе клеймо виновной — разрыв по его инициативе станет своего рода компенсацией.

Гуляя с девушкой и привычно выступая в роли ее кошелька, он не заметил, как та нежная и заботливая девчонка была испорчена мирскими соблазнами. На перекрестке, ожидая зеленого света, он наконец решился:

— У Юнь, давай расстанемся.

— ...Что ты сказал? Повтори. — У Юнь широко открыла глаза, и ее густо накрашенное лицо исказилось от ярости.

— Давай расстанемся. — Подумав, что она не расслышала, Хуэй Син повторил.

Реакция У Юнь была бурной: она швырнула свою сумочку в голову Хуэй Сина и разразилась бранью. Окружающие поспешили отойти, никто не хотел ввязываться.

— Хуэй Син, я тебя терпеть не могу! Ты отвратительный извращенец! Если любишь его, так иди к нему, зачем было принимать меня? Два года! Ты называл меня только по полному имени, ты думаешь, это любовь? Я для тебя была лишь ширмой! Ты разрушил мою молодость, понимаешь?! Если бы не ты, я бы не стала такой! А теперь ты смеешь предлагать расстаться?! Думаешь, выйдешь сухим из воды? Ты разрушил меня, и я не дам тебе спокойной жизни! Сдохни!

Она изо всех сил толкнула Хуэй Сина на проезжую часть. Она не хотела этого, просто хотела выплеснуть обиду за два года. Она знала, что не только Хуэй Син виноват — если бы она сама предложила расстаться раньше, он бы не стал ей препятствовать. Но она не могла отпустить его, она все еще любила его, даже будучи с другими, она не хотела его терять. Она думала, что время все исправит. Если бы Хуэй Син полюбил ее, она бы без колебаний бросила того «запасного». Но простить то, что он первым заговорил о расставании, она не могла.

— Нет!

Водитель быстро едущего автомобиля даже не предполагал, что кто-то внезапно выскочит на дорогу. Раздался визг тормозов, и чья-то фигура взлетела высоко в воздух и рухнула на асфальт.

— Нет! — Хуэй Син быстро вскочил с земли и побежал к Чжао Биню. Он никак не ожидал, что Чжао Бинь внезапно бросится наперерез и оттолкнет его. Он спасся, но состояние Чжао Биня было критическим.

Как же он рад, что вышел сегодня из дома; как же он рад, что смог своей жизнью вернуть жизнь Чжао Биню. Жизнь, которая раньше не имела смысла, вдруг засияла всеми красками.

Обнимая тело Чжао Биня, Хуэй Син дрожал. Он не хотел этого, он не был готов. Он предпочел бы лежать в этой луже крови сам, а не Чжао Бинь.

— Чжао Бинь, держись...

Водитель не стал сбегать и решительно позвонил в скорую.

— ...Син. — Он протянул руку и коснулся лица Чжао Биня. Прошло больше двух лет, и это был первый раз, когда Хуэй Син назвал его по имени. Зная, что это ничего не значит, он все равно чувствовал радость.

Как хорошо, как хорошо, что здесь лежит он сам, а не Хуэй Син.

— Чжао Бинь, не спи, умоляю, не спи, скорая уже едет, я прошу тебя, не засыпай... пожалуйста...

Не плачь, я не сплю, я хочу посмотреть на тебя еще немного, я не усну так быстро. Син... я люблю тебя. Чжао Бинь смотрел на свои окровавленные руки, пачкающие лицо Хуэй Сина, и ему было грустно. Он не хотел уходить так быстро, он хотел побыть еще немного.

— Син, я люб... я... люблю тебя... — Почему, почему ему не дали даже этого времени? Рука медленно соскользнула с лица Хуэй Сина, и Чжао Бинь закрыл глаза.

— Нет!

В сезон, когда все поле покрыто цветами, на небе засияла звезда, словно шепчущая: «Я люблю тебя».

«Син, я люблю тебя».

— И я люблю тебя, Бинь.

009 Влюблен в твою теплоту

Ноябрь — уже поздняя осень, и даже на юге погода была прохладной. В кампусе университета С большинство студентов надели теплые куртки, и лишь немногие, ради стиля пренебрегая погодой, мерзли. Но для одного парня эта погода, казалось, была слишком жаркой: шорты, безрукавка, книга в руке, которой он обмахивался — безусловно, уникальный пейзаж... э, скорее, странный пейзаж.

— Эй, эй, ты видела того парня? Довольно симпатичный, правда? — одна девушка потянула за руку свою подругу, кивнув в сторону незнакомца.

— Ой, ну конечно, как же не заметить? Если я не вижу такого странного человека, значит, я ослепла.

<http://bllate.org/book/21152/2144335>